

Охитович Л. Станиславский и драматурги // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1946. 29 сентября. № 12572. С. 3, 5.

Станиславский и драматурги

Л. Охитович

Первым режиссерским опытом юного Станиславского в области драмы была постановка пьесы Толстого «Плоды просвещения», осуществленная им в 1891 году в любительском кружке «Общества искусства и литературы».

Непосредственное личное знакомство Станиславского с Львом Толстым произошло через несколько месяцев после этого, во время гастролей любительского кружка «Общества искусства и литературы» в Туле. Дружески беседуя с юными театральными, Лев Толстой сказал: «Доставьте радость старику, освободите от запрета «Власть тьмы», сыграйте!» Так родился замысел второго толстовского спектакля, который предстояло осуществить молодому Станиславскому.

В беседе Льва Толстого со Станиславским и его товарищами о постановке драмы «Власть тьмы» с неожиданной остротой проявилась одна из характерных черт самобытной натуры Станиславского-режиссера. Этой его чертой было творческое мужество. Юный Станиславский поставил перед Львом Толстым прямой вопрос: как соединить между собой разные варианты пьесы «Власть тьмы», «чтобы помещать досадной остановке действия в самый кульминационный момент драмы». Желая найти верный ответ на этот вопрос, Лев Толстой принялся по деловому обсуждать с молодежью формы практического улучшения композиции 4-го акта его пьесы. Финал беседы оказался совсем неожиданным. Станиславский об этом рассказывает: «Вот что, — вдруг придумал Лев Николаевич и оживился от родившейся мысли, — вы напишите как связать части, и дайте мне, а я обработаю по вашему указанию». Это предложение Толстого привело молодежь в необычайное смущение.

Впоследствии оказалось, что просьба Льва Толстого, обращенная к Станиславскому, вовсе не была случайной. Прошло несколько лет. Драма «Власть тьмы» с успехом обошла все крупные театральные города России, а ее автор Лев Толстой, продолжал помнить о беседе с любительской молодежью из «Общества искусства и литературы». Пригласив Станиславского к себе домой, Лев Толстой снова сказал ему, что он недоволен существующей редакцией своей пьесы. «Напомните мне, как вы хотели передать 4-й акт. Я вам напишу, а вы сыграете». Толстой так просто сказал все это, что молодой Станиславский решился объяснить ему свой план переделки.

Жизнь подтвердила, что гениальная интуиция Льва Толстого и на этот раз его не обманула. В сложном процессе неутомимой творческой борьбы за большую правду в искусстве Станиславский вырос впоследствии в великое явление мирового театра, по масштабу своему не имеющего примеров в истории театрального мастерства.

Встречи с Толстым и режиссерская работа над его пьесами были для Станиславского лишь предисторией его глубокого творческого контакта с драматургами современности, того контакта, который осветил и оплодотворил всю его последующую режиссерскую деятельность. Органическое содружество Станиславского-ре-

жиссера с наиболее выдающимися драматургами его времени стало впоследствии неотъемлемой стороной всего его сценического творчества.

Путь Станиславского-режиссера к Чехову-драматургу не был гладким. Первое столкновение с Чеховым привело Станиславского к недоразумению. Вначале он не понял драматургии Чехова, не увидел в ней того, что искал. История того, как Станиславский, преодолев многие противоречия, пришел, наконец, к полному пониманию Чехова, к органическому принятию его драматургии, тесно связана с историей постановки чеховской «Чайки» на сцене молодого Художественного театра. Подлинным инициатором этой постановки был Вл. Ив. Немирович-Данченко. Первое знакомство Станиславского с текстом «Чайки» вывало у него отрицательное отношение к пьесе. «Чайка» показалась Станиславскому и монотонной, и скучной, и несценичной. «Чехов? «Чайка»? Да разве это можно играть? Я ничего не понимаю». — говорил Станиславский Немировичу-Данченко. Но после того, как Станиславский с головой ушел в творческую разработку режиссерского плана «Чайки», он постепенно «втянулся» в эту пьесу, почувствовал всю прелесть чеховской манеры драматического письма, и стал находить в «Чайке» психологические глубины, восприятие и понимание которых раньше казалось ему недоступным.

Но однажды придя к Чехову, «открыв» его для себя как драматурга, Станиславский не мог больше уйти из-под власти обаяния чеховской драматургии. В ней нашел он в дальнейшем неисчерпаемые возможности для осуществления самых значительных и глубоких своих замыслов.

За «Чайкой» последовали «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад».

В постановку этих пьес Станиславский вкладывал максимум своих сил и как режиссер, и как актер, и как мыслитель, и как художник.

Чехов принес на сцену Московского Художественного театра современность. В этом — подлинное историческое значение факта слияния чеховской драматургии с искусством Художественного театра. Однако современность — понятие переменное. Время непрерывно наполняет его новым содержанием. Назревание и приближение революции 1905 года резко обострило все противоречия в русском обществе. Революция обнаружила многое, что было скрыто раньше от глаз среднего русского человека. Это не могло не найти своего отражения и в драматургии того времени. Выразителем новых тенденций в жизни русского общества в эту эпоху суждено было стать Горькому.

Первый замысел Горького, впоследствии получивший свое воплощение на сцене Художественного театра в спектакле «На дне», зародился в интимной, залушевной беседе Горького со Станиславским.

Спектакль «На дне» был воспринят Станиславским, как событие, оставившее глубокий след в его душе на многие годы. Однако особенно яркое впечатление произвел на Станиславского сам Горький.

Горький, страстный и горячий мечтатель, стал для Станиславского тем новым драма-

тургом, который мог продолжить в его творчестве линию борьбы за большой идеал человеческого счастья, ту линию, которая была рождена в душе и творчестве Станиславского драматургией Чехова. Мечта Горького как бы продолжала и углубляла мечту Чехова.

Впоследствии дружба Станиславского с Горьким стала перерастать в сотворчество. В начале 1911 года состоялась их заграничная встреча. Станиславский привез Горькому свои первоначальные наброски «Грамматики драматического искусства». Горький изложил ему свои мысли о необходимости создания студии, в которой артисты учились бы сами создавать пьесы. После этой встречи Станиславский писал Горькому: «Я опять привязался к Вам всем сердцем: я опять почувствовал Вашу большую (Окончание на 5 стр.).

Станиславский и драматурги

(Начало на 3 стр.).

душу, обаяние Ваших чар...»

Общность идейных и художественных устремлений Горького и Станиславского с годами росла. Станиславский ценил в Горьком огромную силу, помогающую ему решить труднейшие задачи его творчества. В 1933 году, всего за пять лет до своей смерти, Станиславский писал Горькому: «Современни нашего свидания на Капри, где Вы не поленились пробежать мои начальные строки и пробы пера по созданию подобия «грамматики драматического искусства», я напрагуюсь, чтобы на бумаге, по возможности четко и ясно, передать то, что необходимо знать начинающему актеру... Помогите мне в этой работе (которая трижды сделана) Вашим мудрым советом и опытом...».

• • •

Интереснейшую страницу в творческой жизни Станиславского представляют его взаимоотношения с молодыми драматургами советской эпохи. Октябрьская революция принесла на сцену Художественного театра новые темы. Однако это произошло не сразу. Первой ласточкой, возвестившей революционное обновление репертуара Художественного театра, был «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова. Постановка «Бронепоезда» была первым приближением театра к советской современности.

Молодая советская драматургия тогда была еще слаба для того, чтобы выдержать строгие требования Художественного театра. Вот почему театр обратился к прозе, безусловно опередившей драматургию того времени. Станиславский увлеклся работой над инсценировкой романа В. Катаева «Растратники».

Когда Художественный театр принял к постановке одну из пьес А. Афиногенова, перед Станиславским открылись новые возможности практического решения современной темы. Замечания Станиславского по отдельным образам и пьесе в целом всегда необычайно конкретны и идут от самых обыкновенных жизненных случаев и подробностей...».

Известно, что работа Станиславского над пьесой Мих. Булгакова «Дни Турбиных» привела Художественный театр к большой творческой удаче. Работая с Булгаковым над «Мольером», Станиславский терпеливо и настойчиво уводил драматурга с его антиреалистических позиций на по-настоящему реалистический путь.

В 1926 году Художественный театр принял к постановке пьесу Л. Леонова «Утиловск». Участие Станиславского в репетиционной работе над этой пьесой оказало большое влияние на творчество Леонова.

Д. Ошанин.